

Бизнес Роман

15.08.97

Труд-1997-15 авг. - 67

В одной международной программе шесть знаменитых режиссеров мира должны были сделать по одной киноновелле, которые вошли в общий фильм «Так живут наши дети». Я долго думал, какую тему мне взять, какие права ребенка я считаю самыми важными. И выбрал право на любовь и право на семью.

Человечество столь необразованно в отношении детства, столь самоуверенно, думая, что про детство оно понимает все — хотя бы потому, что каждый сам был ребенком. Это ведь поистине смешно! Мы в космос проникли, в тайны молекул, а в себя-то нет! Человека как структуру, которая живет в единстве с природой, мы познали как предмет, как физиологическую, социальную систему. Но как духовную — нет! Детство не существует без отца и матери. Это та система жизни, где один человек — ребенок, другой — папа или мама, дальше — сестра, дядя, бабушка...

Когда меня спрашивают: «Зачем вы занимаетесь детьми? Вы их так сильно любите?», отвечаю: «Да, я люблю детей». Но не в этом, право же, дело! Люблю детей — нарочитое бы да воспитывал. Не в одной любви дело! Дело в том, что детство для меня — материал. Тот материал, которым, мне кажется, я как-то владею. Один работает в море, другой — в граните, третий — в дереве. Я — в материале детства.

Ребенок сегодня рождается точно так же, как в древности. Тем же способом, таким же образом. Он рождается маленьким и одновременно древним. И приносит с собой в мир

равляет малыша: «Я-б-л-о-ко». К ней возвращается детство. И взаимосвязь всего сущего. И она уже, как мать, кровью, инстинктом понимает важность этого. Если инстинкт не убит, конечно...

Ребенок в третий раз приходит к нам с воскресением мира, когда мы бабушки-дедушки. Еще раз солнце как будто видим. Еще раз дерево познаем. Это, как чувство голода, заставляет человека работать, жить. Принято говорить: главная наша потребность — дети. Но самое главное, что эта потребность постепенно исчезает — и это самоубийство.

Меня часто спрашивают, почему сталкиваются отцы и дети?

Как же, дорогие мои, не сталкиваться? Ведь это проблема почки! Проблема листа, ветви, дерева. Части и целого. Рождения и отторжения, обретения самостоятельности. Это процесс естественный.

Ребенок, родившись, воспроизводит в нас чувство милосердия: ну как к нему не подойти, он ведь ничего не может, он словно из космоса. Ему так удобно на груди, на руках у мамы... И вдруг он говорит в первый раз: «Я сам!» Потом первый километр от маминой юбки. Ох какой важный километр, как важна самостоятельность! Конечно, лучше, когда это происходит в три-четыре-пять лет, а не после школы. Тогда эта запись самостоятельности металлом по твердейшему камню, по алмазу выписана.

А потом у него — свои дела. И своя жизнь. Своя мечта. Своя душа. И своя драматургия жизни.

Да, родители и дети — люди родные и близкие, но разных времен. Для многих родителей основной

(их у нас двое) выросли абсолютно разные? Старшая дочь — совершенное божество. А вот сын — другого слова не подобрать — подлец.

«А вы не заметили, — отвечаю, — не изменились ли ваши с женой отношения за то время, как родился ваш сын?»

Реакция была потрясающая! Человек на глазах вспотел и схватился за голову. И выскочил из кинотеатра. Я до сих пор помню звук его шагов по лестнице... Видать, разница была! Видать, много думал, отчего сын такой. Видать, понял — причину в себе нашел!

Можно плакать из-за детей. С ребенком можно даже поссориться. Но по закону любви. А если ссориться по закону ненависти, тогда это не проблема отцов и детей — тогда это борьба отцов с детьми и детей с отцами.

Приходят ко мне как-то мальчик и девочка. И говорят: «Мы из молодежного центра «Бизнес и дети»... Почему не «Дети и литература», «Дети и спорт», «Дети и экология»? Почему — бизнес?»

Бизнес ребенка — это знания. Вкладывать в него знания — самая главная инвестиция. Бизнес это все-таки — дело (в точном переводе). Дело ли для ребенка коммерция? Нет! Он должен учиться и познавать ее наравне с литературой, историей...

Мы должны понимать: у нас не было Фолкнера, Флобера, Золя, Бальзака... У нас о деньгах очень мало книг. «Золото» Мамин-Сибиряка — все бандиты. «Угрюм-река» — все бандиты. «Приваловские миллионы» — все воры. И любопытно, что у Каверина в «Двух капитанах» Ро-

РОЛАН БЫКОВ: ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ОНИ БУДУТ УПРАВЛЯТЬ НАМИ. И НАМ ВОЗДАСТСЯ

Сценарий написал сам. Написал, когда увидел девочку в телемафоне. Детский фонд проводил... Девочка меня потрясла. На вид ей было года четыре-пять. Ее показали в репортаже из спецприемника, где она легко и непринужденно матерно выразилась. Я попросил разыскать ее.

У девочки официальный диагноз — социальная олигофрения. Ее все время хотят передать в специальную школу. Два года я держал ее в санатории и столько лет борюсь за нее... В жизненных вопросах в свои пять лет она умна на четырнадцать, а знает о жизни еще больше. «Мама мыла раму» ее не интересует. Это все какие-то мелочи. А взаимоотношения с людьми ох как знает!

Когда ее привезли ко мне и она увидела телевизор — испугалась: «Я его боюсь!» Никогда не видела. Когда я подвел ее к пианино, нажала клавишу и долго молчала, пораженная тем, что ее палец издает звуки. Она действительно сложная девочка, живет в жутких условиях: маленькая комната, земляной пол, много детей. На ее глазах мать и отчим пьют. «Младшая сестра плачет, — рассказывала она, — я сисю у мамы выну, ей в рот суну, а от молока водкой пахнет».

Меня спрашивали потом, почему в фильме такой финал: маленькая героиня бросается с высокого откоса в реку с криком «Я сюда больше никогда не вернусь». Да каким же он может быть, когда ребенок может вернуться только в дом, которого нет, только к обезумевшей от пьянства матери, к голоду и побоям... Я хотел, чтобы люди были потрясены. Чтобы вздрогнула душа — хотя бы у тех, у кого она есть. Мне было чрезвычайно важно, чтобы после фильма у зрителей надолго осталось беспокойство. Пусть даже они — хорошие родители, у них прелестные дети — им это тоже надо. Надо! Даже благополучным семьям... Потому что за восемь лет существования фонда все картины, которые сняты в разных бывших республиках, почему-то о

детском сиротстве. Ведь никто не сговаривался! О детском сиротстве без родителей и с родителями. И даже с благополучными родителями сиротство детей — всемирное явление.

Если думать о защите детей, то надо говорить не только о сфере образования. Надо говорить о культуре общества, сумасшествии общества, бездетности общества и общественном массовом самоубийстве. Еще в те времена, когда система детского воспитания была налажена, меня умиляли лозунги: «Для детей нужно играть так же, как для взрослых, только немного лучше». Или: «Все лучшее — детям». Значит, есть система играть «немного хуже»? А «лучшее» у нас — что?

Человечество по отношению к детству выработало целую демагогическую систему, которая защищает падшую совесть взрослых. Придумано много слов, которые ничего не значат. И в реальности ничего не дают. Я разработал программу «Дети, экран, культура». Президент дал задание за десять дней подготовить указ. Прошло 46 месяцев. Указ вышел практически о том, что надо подготовить программу.

Это наша реальность. Я ни с чем сейчас не борюсь. Я борюсь только за программу. Это единственно реальный путь...

Как-то прочел во французской газете: «Через десять лет они будут управлять нами». Так быстро летят годы, что мы не заметим, как те, кого мы сегодня выбросили из систем государственных и общественных придут к руководству промышленностью, сельским хозяйством, культурой — страной. Мы и ахнуть не успеем. Я, думаю, нам воздастся.

Как же мы безоглядно самонадеянны, в плохом смысле бесстрашны! Говорим о развитии экономики. А зачем она? Она же для тех, кто вырастет. А ежели «они» вырастут больными? Уже сейчас отмечается патология у 90 процентов новорожденных.

каждый раз заново то, что называется синкретическим сознанием. Наше сознание разделено по полочкам: здесь — физика, здесь — химия... А древний человек воспринимал Вселенную в целом. Он был, как Леонардо да Винчи, творцом, изобретателем, художником, философом. Он имел эти возможности от природы. Человечество забыло про это. Становится тупым и бездушным. А дети воспроизводят синкретическое сознание и все возможности гения. Только детство охраняет человека и человечество, гарантирует ему, что оно не сойдет с ума. Хотя, боюсь, в генетических записях современный мир уже отравился...

С рождением ребенка наша жизнь может начаться заново. Мать уже забыла те дни, когда она в первый раз увидела дерево, жука, кузнечика — и теперь вместе с ребенком заново открывает их. Она заново познает слово. И заново слышит его. Поп-

вопрос, когда ребенок пришел домой. И мой отец мне говорил, и я своему сыну говорил: «Поздно возвращайтесь». А он: «Ну и что? В чем дело?» — «Но у вечера и ночи свой сюжет, — говорю. — У вечера и ночи романтический, но часто криминальный сюжет. Или карточный, или водочный, или наркотический».

Виктор Розов как-то заметил, что мы в молодые годы в ответ на родительское требование являться домой не позднее десяти вечера спорили, ругались: мол, мы уже самостоятельные, можем прийти и позже. А современные дети говорят: «Хорошо», — и приходят в три часа ночи, даже не считая, что по этому поводу — столь очевидному для них — нужно спорить с нами.

Как же быть? Можно ребенку разрешать все. Но он вырастет некоммуникабельным. Он будет претендовать на то, что все ему разрешается в жизни. А жизнь ему этого не разрешит, и он станет неудачником. Можно ему ничего не разрешать. Это приведет к еще более печальным результатам, он потеряет самостоятельность, никогда не выбьется в лидеры. Это тоже неудача в жизни...

Где же золотая середина? А ее нет! Мать должна говорить то, что считает нужным, а ребенок — что он... Но суть в том, что борьба должна идти по правилам нравственных отношений. Какие законы этой борьбы будут, такие ребенок и будет исполновать. Если родители будут применять силу, власть — ответит ложью, нелюбовью, отторжением.

Как-то я высказал эту мысль... И после моего выступления ко мне подошел солидный мужчина.

Происходило это в маленькой комнатке администратора кинотеатра. Мужчина спросил: «Но мы с женой одни и те же. Почему же дети

машка в первых главах копил деньги, а в конце он предает Родину.

Надо понимать, мы не прошли пути, который прошли на Западе. И там проблема денег и нравственности не решена — но людям легче. Они могут решать эту проблему на уровне собственных представлений, на уровне выбора. А у наших детей даже выбора нет! Им сказали, что золотой телец — новый Бог, чуть ли не новый Сталин — и все.

Но тогда нужно вспомнить слова Гюго: «Самая страшная тирания — это тирания идеи». Идея золотого тельца — новая тирания.

Я часто думаю о том, что предлагается молодежи, как им потом с этой «наукой» жить.

«Молодежь выбирает «пепси». Может, и хороший напиток, хоть я, например, предпочитаю квас. Но дело не в нем. Выбрать-то «пепси» можно, только с «пепси» не проживешь и на «пепси» не проживешь. После всех тусовок начнется жизнь, в которой горе-специалисту работы нет.

Вот в театральных вузах почему-то нынче немодно курить мужчинам, курят девушки. Модно заниматься спортом, скакать на лошади. Ребята относятся с уважением к себе! За всем этим читается: «Я такой человек — другого такого нет. Я буду специалистом такого ранга, что вы будете со мной считаться».

Плохо это или хорошо? Хорошо. Я не боюсь зазнавшихся — я боюсь дураков.

Если человек зазнался от того, что он талантлив, честен, силен, — это хоть направление правильное! Зазнаваться вообще-то не хорошо... Но от этой глупости жизнь лечит.

Да, мода на все меняется... Изменилась на фасоны и тряпочки. Но уж больно медленно меняется она во взаимоотношениях между людьми, в семье...

Я мечтаю о том времени, когда модным будет любить друг друга. И будет даже принято говорить: «Я люблю тебя, мама». И отвечать: «Я люблю тебя, дочка».

Надеюсь, что такое время придет.

Записала Нина ФОКИНА. Фото Аркадия КОЛЫБАЛОВА.